

Целительница: другая

Светлана
Воропаева

Хочешь ли ты стать счастливой сейчас?

16+

Светлана Воропаева

Целительница: другая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56827385

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98169-0

Аннотация

Как там, за порогом счастливой семейной жизни? Как жить без ориентиров и прежних опор, да и надо ли? А что если вновь полюбить?..«Целительница: другая» – любовно-мистический роман Светланы Воропаевой, третья часть сентиментальной трилогии, в которой приоткрываются секреты жизни после смерти.

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	53
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Светлана Воропаева

Целительница: другая

БЛАГОДАРНОСТИ

Труд писателя – труд одиночки. Сидишь себе и пишешь. Но если вдуматься, то это не совсем так.

Я бы никогда не дописала этот роман, если бы однажды не решилась опубликовать черновики в своём блоге, если бы не было отклика от моих первых читателей, если бы вы не ждали, не спрашивали, не поддерживали. Вы были со мной два года, пока я писала роман «Целительница» и, надеюсь, будете со мной и дальше.

Я бы не смогла свободно писать, если бы не знала:

– что потом мой бессменный редактор Ольга Форофонова не поправит все мои грамматические и орфографические ляпы;

– что пишущий фотограф Светлана Селезнева не поддержит мою очередную сумасшедшую идею или не посмеётся со мной от души за чашкой кофе над стишком или текстом.

Это уже близкие люди.

Я благодарна:

– к. м. н. врачу-урологу Ивану Данилову за помощь в написании медицинских приключений Виктории Пятницкой в третьей части романа «Целительница: другая»;

– Наталье Остапенко за рассказы о том, каково это – быть женой врача;

– Александру Верещагину за возможность написать о его истории болезни;

– Славе Михайлову за энергию.

Спасибо моим подругам-писателям:

– Инне Цесарь за наши многочасовые беседы;

– Кристине Кретовой за вдохновляющую поддержку и объятия;

– Марии Моисеевой за невыпитое шампанское и надежду, что всё ещё впереди;

– Юлии Брыковой за доброе сердце и отзывчивость.

Спасибо Марине Хлебниковой из открыточного издательства Artpression, которое выпустило серию открыток по мотивам обложек книг «Целительница».

Спасибо Сергею Ледащеву за поддержку моих идей, проектов и помощь в продаже моих детских книг.

Спасибо иллюстраторам, которые давно уже стали для меня больше чем просто коллеги: Ольге Зиминной, Анне Фокиной, Юлии Гончаровой и Яне Кузнецовой.

Спасибо моим близким: родителям, Наталье Копыл, Георгию Азнаурову, Нане Тарба, Марии Дубровиной, Амалии Гогешвили, Наталье Мироновой и Марии Кураповой.

Сбор на редактуру и печать книги проводился на краудфандинговой площадке Планета.ру. Ниже я перечислю каждого, без кого этой книги не было бы.

Спасибо вам!

Батурова Наталья

Брыкова Юлия

Верещагин Александр

Гогешвили Амалия

Голоскокова Елена

Гончарова Юлия

Григорян Татьяна

Данилов Иван

Дубровина Мария

Журавлева Анастасия

Зентаи Юлия

Зиминая Ольга

Карачевцева Светлана

Клепица Наталья
Краснов Сергей
Кротова Кристина
Крупеня Вера
Ксандиева Алена
Кузнецова Яна
Курапова Мария
Копыл Наталья
Ледащев Сергей
Ливинский Александр
Локк Кристина
Лоч Анна
Миронова Наталья
Моисеева Мария
Нечаева Юлия
Одношивкина Татьяна
Олейник Светлана
Остапенко Наталья
Паялина Ирина
Протасов Константин
Русланова Дарья
Саркисян Нина
Селезнева Светлана
Сигалов Владимир
Телепегина Анастасия
Фокина Анна

Форофонова Ольга
Хлебникова Марина
Цесарь Инна
Черемных Ирина
Чертова Светлана

Глава 1

Небо было серым. За весь март солнце в Москве появилось лишь дважды. Наконец-то начался апрель. На него вся надежда.

Виктория Пятницкая смотрела в окно: туман размывал всю картинку. Было непривычно не видеть людей, спешащих по своим делам, но это приносило спокойствие. Одиночество давно перестало пугать, а вот толпа, наоборот, вызывала тревогу.

Вика поймала себя на мысли, что ей нравится этот вид за окном, затерянный в хмурой дымке. Сила желания, которую она давно уже не ощущала, пробудилась в ней. Фантазия разыгралась, расширилась, наполнила Пятницкую изнутри и унесла в неведомые края.

Что скрывает это марево? Может, за ним Золотой мост туманного Владивостока? Или помпезный Будапешт с бесконечными башенками и купальнями? Готический Эдинбург, в каждом закоулке прячущий какую-то тайну? А может, просто горы с голубым озером у подножия? Пора, пора выйти из квартиры. Засиделась дома. Надо совершить путешествие хотя бы до парикмахерской. Вика очень хотела распустить надоевший вечный пучок, но волосы были в ужасном состоянии – безобразно отросли и позабыли свою выющую при-

роду. С этим надо было что-то делать.

Пятницкая провела тяжёлой рукой по лбу и левой щеке, сильно надавливая на кожу, словно лишь боль могла заставить её сделать первый шаг из самовольного заточения. И это действительно помогло, дало необходимый импульс. Вика поправила пучок, надела кроссовки, накинула куртку поверх спортивного костюма, в котором уже пару дней ходила дома, и вышла из квартиры.

Улица встретила холодным ветром, а ближайший салон красоты – недружелюбной надписью: «Мы открываемся в 11:00». На часах было девять. Нервно кусая губу, Виктория посмотрела на башни Москва-Сити. Она знала, что там есть салон, который работает двадцать четыре часа в сутки, но ей совсем не хотелось случайно встретить бывших коллег – не из-за вытянутых коленок тёмно-бордовых тренировочных штанов, не из-за ненакрашенных ресниц, вовсе нет, просто потому, что не было никакого желания отвечать на неудобные вопросы.

Целый год Пятницкая обходила стороной Сити, чтобы никому не объяснять, зачем она ушла на взлёте карьеры. Но узнает ли кто-то её в таком неприглядном виде? Слишком уж мала вероятность. И, чуть поколебавшись, Вика всё же зашагала к небоскрёбам.

Она специально обошла стороной торговый центр и баш-

ню банка, чтобы не наткнуться на знакомых, но это не помогло: когда она поднималась по ступенькам в здание, где находился салон красоты, путь ей преградил Алексей Смолин.

– Привет, красотка! Пепельная блондинка? Тебе не идёт.

Вика исподлобья посмотрела на Алексея и подумала, как же всё-таки удивительна судьба, которая вновь и вновь сводит их. Каждый раз их внезапная встреча становится предвестником череды печальных событий. Впрочем, может, и не стоит обобщать: однажды подобная цепочка происшествий привела её к Вите, спасибо за это Смолину.

– Это седина, – пояснила Пятницкая, забыв поздороваться.

– Вся голова?! – не смог скрыть изумления Алексей.

– Да. Теперь это мой цвет волос, – спокойно сказала Вика.

– Ты идёшь на встречу? Спешишь? – быстро сменил тему разговора Смолин.

– Хочу подстричься. Больше дел нет.

– Составлю тебе компанию, у меня есть время до двенадцати.

Вика пожалала плечами – мол, пусть будет так – и зашагала вверх по лестнице.

Мастер был свободен, но Пятницкая медлила, медитируя на прайс-лист. Она не могла решить, стоит ли отдавать четыре тысячи за стрижку, если можно дождаться открытия эконом-парикмахерской.

– Я оплачу, – шепнул ей на ухо Алексей и уже громко добавил: – Иди, а то мы не успеем выпить кофе.

Пятницкая впервые чуть улыбнулась Смолину и прошла к креслу.

– Что делаем? – спросил парикмахер.

– Боб-каре.

– Вы уверены? – не на шутку удивился он, разглядывая её волосы длиной по пояс.

– Режьте, – уверенно повторила она.

Мастер вздохнул и взял ножницы в руки.

Смолин опешил, когда Вика вернулась на ресепшен:

– Ты не стала красить волосы?

– Забыл про кофе? Мы бы не успели его выпить. Идём?

– Пойдём ужинать, чтобы всё успеть, – предложил Алексей, беря Викторию под локоть и потянув из салона.

– Попридержи коней, Лёш, – отстранилась Пятницкая. – Кто знает, что случится после кофе.

– Чего ты боишься?

– Людей, – честно ответила она. – Я почти год ни с кем не общалась. Мне нужно вспомнить, как это.

– Но я – это я! А не просто человек.

Вика ещё раз улыбнулась:

– Да, ты – это ты.

И они направились в ближайший «Старбакс».

Пошёл дождь. Пятницкая смотрела, как капли ползут по стеклу большого окна.

– Удивлён, что ты выбрала чай.

– Я почти перестала пить кофе. У меня нет повода бодриться.

– Алкоголь?

– Без него не могу уснуть. Снизила дозу до двух бокалов вина в день. Раньше было больше.

– Мне страшно от того, что ты говоришь.

– Тогда не спрашивай.

– Где ты сейчас работаешь?

– Нигде.

– Что у тебя с деньгами?

– Ничего. Хватает на минимальные текущие расходы.

– Сбережения?

– Нет сбережений.

– Как так? О чём ты вообще думаешь?

– В последнее время, к счастью, ни о чём. В голове чистый лист.

– Ты ли мне это говоришь?

– Ну поморгай, может, на моём месте волшебным образом окажется кто-то другой.

– Не хочу. Я рад, что встретил тебя. И так злюсь, что мне пора идти на эту чёртову встречу. Ты дождёшься меня здесь?

– Нет, – покачала головой Пятницкая, а потом, смягчившись, добавила: – Здесь не дождусь. Мне здесь некомфортно.

но. Я буду в Филёвском парке у реки. Помнишь те лежаки, которые ты мне когда-то показал?

– Да.

– Я буду там.

– Хорошо, я наберу тебя, когда поеду. Какой у тебя номер?

– У меня нет телефона.

– Не понял.

– Ты перестал понимать русский язык?

– И это тоже, сейчас больше говорю на английском, но всё же, что это значит?

– Это значит именно то, что я сказала. У меня нет телефона. Совсем нет. Уже десять месяцев. И в интернет я не выходила. И телевизор не смотрела.

– Что же ты делала?

– Жила.

– Чёрт, мне нужно бежать! Ты точно будешь в парке? Там же дождь.

– Точно. Возьми зонт, если дождь тебе мешает.

– Ведьма просто! – всплеснул руками Алексей и встал из-за столика.

– Уже нет, – сказала Вика и ушла в окно.

Небо хмурилось и не собиралось менять своё плохое настроение. А вот дождь закончился, хоть и оставил после себя мелкую морось как послевкусие. Ветер стих. Река, казалось, не двигалась. Да и Вика застыла на деревянном лежаке у самой воды в полном оцепенении.

Внезапно тёмной тучей над ней навис зонт: Смолин встал рядом, не собираясь садиться на влажные доски.

– Ты как неживая.

– Живее тебя. Я не боюсь почувствовать, как капли дождя падают на лицо.

– Сомнительное удовольствие.

– Ты пробовал?

– В детстве пробовал, наверное.

Вика слегка улыбнулась.

– Всё! Мне надоело смотреть на твоё кислое лицо. Беру над тобой шефство. Пойдём!

Пятницкая вновь улыбнулась, но не шелохнулась.

– Ладно, скажу то, что ты хочешь услышать. Мне чертовски скучно одному в вашей дождливой Москве. Составь мне компанию. Я уеду завтра вечером, и сможешь снова грустить.

– В нашей Москве и одному? – переспросила Вика.

– Точно! Но я буду держать интригу до места назначения, чтобы ты поехала со мной. Пойдём, вызову нам такси.

– Ты на такси, а не за рулём? – Смолин всё же смог удивить Викторию.

– Да. Всё расскажу после. Идём уже.

Глава 2

Такси остановилось возле сталинской высотки напротив Белого дома.

– Лёша, зачем мы идём в отель? – смутилась Пятницкая.

– Затем. Там наверху прекрасный ресторан с прекрасным видом, я заказал столик. А пока ждём ужин, можем выпить что-нибудь в баре внизу. Надеюсь, ты не заснёшь сразу после пары бокалов красненького?

– Не засну, – улыбнулась Вика.

Она шла за Алексеем и думала о Вите: совсем недавно это он устраивал ей подобные сюрпризы... На мысли о прошлом немедленно откликнулось тело, и внутри что-то приятно задрожало от волнения. Вика позволила себе расслабиться в этом ощущении, не позволяя боли утраты испортить столь сладостные воспоминания. Как нельзя кстати освободился милый уголок в лобби-баре, и удобное кресло с готовностью приняло её в свои объятия.

Вика с удовольствием прикрыла глаза. Остались только звуки. Чей-то сдержанный смех, бряцание бокалов, тихий джаз. Совсем рядом ритмично застучали по паркету каблучки, сопровождаемые лёгким поскрипыванием колёсиков чемодана, а потом шум утонул в мягкости ковра. Какая-то парочка слева замурлыкала на французском. Затем долетела

немецкая речь – удивительно плавная, с австрийским акцентом. Еле слышно распахнулись двери лифта, мимо торопливо протопали чьи-то тяжёлые шаги, в воздухе завис приятный аромат дорогого мужского парфюма.

– Судя по выражению лица, тебе здесь нравится, а ведь не хотела идти.

Вика открыла глаза, возвращаясь из мира звуков к Смолину:

– Мне нравятся холлы в отелях. Они чем-то похожи на аэропорт.

– Есть ощущение отпуска, да?

– Что-то типа того.

– Мне тоже это нравится. Странно, мы ведь впервые так с тобой сидим?

– Да.

– Почему мы раньше никуда не ездили?

– Ты постоянно был в командировках.

Алексей сделал многозначительную паузу, а потом выдал:

– Тебе не стыдно сидеть здесь в заношенных трениках?

– Мне – нет. Почему ты спросил? Разве здесь дресс-код?

– Я хочу пойти в бар с красивой женщиной. Я люблю, когда ты носишь платья.

– По-твоему, только платье делает меня красивой?

– Платье подчёркивает твою красоту. И вообще, люди – существа социальные, и у них есть негласные правила хорошего тона. Или твоя задача – бросить вызов обществу?

– Нет, – ответила Вика без колебаний. Нет у неё ни претензий к обществу, ни громких заявлений для мира. – На какое время у нас заказан столик?

– О! Ты не споришь? На шесть.

– Не вижу повода для спора. Я постараюсь успеть к сроку. Поеду домой и переоденусь.

Вика задумалась на секунду, просчитывая возможные варианты перемещений по городу: такси, метро, автобус... Задача тут же показалась невыполнимой.

– Если бы я хотел, чтобы ты переделась дома, то завёл бы этот разговор ещё в парке.

– А чего ты хотел?

– Хотел порадовать тебя. Я купил тебе платье, туфли, тушь, румяна, помаду. Нижнее бельё не покупал, чтобы ты не подумала чего лишнего. Если что-то не подойдёт, верну в магазин. А так всё твоё.

Вика внимательно посмотрела на Алексея. У него не было ни портфеля, ни хоть какой-нибудь сумки или пакета. Он усмехнулся на её непонимающий взгляд и положил на столик карточку-ключ.

– Номер 2046 на двадцатом этаже. Я подожду тебя здесь. И на всякий случай скажу, что второго ключа у меня нет. Не переживай. Оставь всё там, потом у тебя будет возможность переодеться.

Пятницкая смущённо взяла ключ и послушно побрела к лифту. Было непривычно осознавать это смущение, да и во-

обще чувствовать что-то. Способность испытывать какие-то эмоции ошарашила больше, чем действия Смолина.

Вика открыла дверь и зашла в номер. Рука её заскользила по стене, коснулась края комода, кресла, а потом замерла на шторе. Дождь за окном прекратился. Пятницкая заплакала.

Они никогда не были с Виктором в этом отеле, но номер враз оживил все картины её прошлой счастливой жизни. Были ли проблемы? Конечно, были! Но рядом был и тот, с кем хотелось их решать, тот, с кем невозможно было увязнуть в обидах и злости, тот, в объятиях которого можно было забытья, тот, рядом с которым верилось, что всё будет хорошо. А теперь его нет.

Солнце показалось из-за туч и оживило реку красно-золотыми искрами, словно показывая Вике, что и после сумрака можно снова начать светить и дарить людям своё тепло.

Пятницкая утёрла слезы. Посмотрела на часы на стене. Было 17:40. Впервые за год время обрело для неё значение. Оставалось двадцать минут, чтобы оживить свою внутреннюю женщину или хотя бы сделать вид, что она есть, надев красивый наряд и освежив лицо лёгким макияжем.

Виктория спустилась в лобби-бар и снова села напротив Алексея. Тот смотрел на неё не отрываясь, как в первый раз, разглядывая с ног до головы.

– Красивая, – тихо и задумчиво констатировал он, словно

развевая какие-то свои прошлые сомнения. – Я начинаю привыкать к тому, что ты блондинка. И у тебя короткие волосы.

Раньше бы Вика точно поправила его, напомнив, что это седина, но теперь она просто залпом допила вино и сказала:

– Нам, кажется, пора смотреть на вечернюю Москву. Да и заказать ещё вина не помешало бы.

– Права! Идём.

Москва залилась разноцветными огнями. В бокалах играло бликами гранатовое вино. В тарелке заветривалось нетронутое чёрное ризотто, не сумевшее прельстить Викторию даже щупальцами осьминога.

– Ты не ешь?

– Жду вместо аперитива твою историю об одиночестве в неродной Москве.

– Неблагодарная, какой аперитив? Это третий бокал вина.

– Ешь, доченька, третий пирожок, я не считаю... да? И всё же жду обещанных подробностей.

– С сентября прошлого года живу в Лозанне. Возглавляю швейцарское отделение нашего банка.

– Говоря проще, тебя сослали на пенсию?

– Не нужно драматизировать. Я всё-таки там не только

раклет заглатываю.

– Я даже не знаю, что такое раклет, но что-то мне подсказывает, что ты там явно не грустишь.

– Я там один.

– А где Лена и сын?

– Они остались здесь.

– Тогда почему и здесь ты один?

– Мы больше не живём вместе.

– Давно?

– Со времени моего отъезда.

– Я понимаю, почему тебя сослали. Из тебя же информацию клещами тащить приходится! Вроде это я целый год провела отшельницей и должна была разучиться говорить сложносочинёнными предложениями, а не ты.

– Семья распалась, к чему подробные объяснения? Они сейчас отдыхают в Эмиратах. Я остановился в отеле. Квартиру им оставил. Завтра вечером лечу обратно в Швейцарию.

– Тебе нужно моё сочувствие? – растерялась Вика.

– Мне нужно, чтобы ты поехала со мной в Лозанну на пару дней.

– Зачем?

– Откормлю тебя. Отощала.

– Я и здесь поем, – пробубнила Вика и начала ковыряться вилкой в тарелке.

Она не понимала ни тон Смолина, ни истинной причины такого предложения.

– Две реки разлились по тёмным дорогам. Река белых огней, дающих надежду, и река красных огней, останавливающих движение. Выбор. Вы-ы-бо-ор... – с серьёзным видом протяжно завыл Смолин.

– Вот дурак! – не выдержав, засмеялась Вика, прикрывая набитый рот рукой.

– Я про пробку за окном. Арбат встал.

– Ага.

– Ну ладно, ладно, признаюсь. Я готов на всё, чтобы ты снова улыбалась.

– Зачем?

– Твоя милая полуулыбка раздражает. Она ненастоящая.

– Зачем? – настойчиво повторила Вика.

Ей захотелось уйти. Алексей это явно заметил, но вида не подал.

– Ты на грани. Тебе плохо.

– Ошибаешься. Я давно за гранью. Это тебе плохо, не мне.

– Я переживаю за тебя.

– Почему?

– Хочу, чтобы ты жила долго и счастливо.

– О, ты боишься, что я что-то сделаю с собой?

– Да.

– Нет повода для переживаний. Моя смерть слишком бессмысленна.

Алексей недоумённо посмотрел на Вику.

– Прошло два с половиной года. Если бы я стремилась

умереть, меня бы уже не было.

– И всё же полетели со мной, а? В Лозанне сейчас солнце, деревья цветут. Развеешься. И мне будет приятно.

– Насколько приятно, Лёш?

– Я твой друг, Вика. Я тот, кому ты жизнь спасла. У меня есть право заботиться о тебе, не отвечая на дурацкие вопросы. Ты будешь ещё есть?

– Нет.

– Тогда пойдём в номер.

– Очень по-дружески, – саркастически заметила Пятницкая.

Волна возмущения захлестнула её, ударила от низа живота в горло и сковала лёгкие.

– Хочу, чтобы ты расслабилась.

– Оригинальный заход, – наконец выдохнула Вика, осознавая, что это не возмущение, а страх.

Вот так номер... Где-то глубоко внутри себя она всё ещё хранила тёплые чувства к Смолину. Как же она могла так предать Виктора?! Как?! Как?

– Наденешь свои треники, налью тебе в чашку вина, залезешь с ногами на диван, обнимешь подушку. Ты же так любишь?

– В большой бокал... – тихо поправила его Пятницкая.

– В бокал. Пойдём? Найду бокал.

– Зачем, Лёш?

– Просто так...

Смолин неотрывно смотрел на Пятницкую. А она – на него. Ей хотелось оставаться в реальности, здесь и сейчас, в этом текущем моменте. Меньше всего на свете Вика желала вернуться опять к своим мыслям: они очень пугали, а ей надо было забыться.

– Закажи мне ещё вина.

– Конечно, – согласился Смолин, прекратив наступление.

– Не пойдём никуда. Лучше рассказывай про машинные реки, – предложила Вика и выдавила полуулыбку.

– Хорошо.

– И переодеваться не пойду. Поеду так. Выкинешь потом ту одежду.

– Сохраню на память.

– Фетишист.

Смолин глупо улыбнулся, о чём-то подумав, а потом шумно выдохнул и решился сказать:

– Купил тебе телефон. И повезло твой номер купить. Оказался не занят. Только давай без «зачем», ладно?

Пятницкую начало мутить. Она поджала губы.

– Плохо? – пристально поглядел на неё Алексей.

Виктория кивнула и, припоминая советы мужа, без слов поднялась и пошла в туалет, чтобы опустошить желудок.

Вернувшись, Пятницкая молча придвинула новый телефон к себе. Алексей был прав: настала пора возвращаться в реальную жизнь. Она уже и так взяла всё что можно от оди-

ночества.

– И это возьми... – ещё больше осмелел Смолин, двигая к ней конверт, явно с деньгами.

Вика пробуравила его взглядом, который он не мог верно истолковать.

– Раньше ты была смелее.

– Я не была замужем.

– И сейчас, – напомнил ей Алексей.

Взгляд Пятницкой упал на чёрную рисинку, которую она случайно уронила на белую скатерть. Виктория демонстративно подняла её двумя пальцами, не боясь запачкаться, и кинула в тарелку. После взяла в руки телефон и начала устанавливать приложение, чтобы вызвать такси.

– Я провожу тебя, – спокойно сказал Смолин.

Она отрицательно помотала головой.

– Не хочешь, чтобы я знал, где ты живёшь?

– Не хочу, – подтвердила Виктория.

– Хорошо. Тогда деньги возьми, а я провожу тебя до машины.

– Ладно.

Холодный ветер дул с реки и морозил ноги в туфлях. Ви-

ка взглядом искала в темноте нужное такси, не спеша спускаться вниз по лестнице на мостовую. Здесь хоть колонны здания гасили часть неласковых порывов.

– Давай встретимся завтра, – попросил Алексей.

– Не уверена, – покачала головой Виктория, продолжая высматривать машину.

– К чёрту эти игры, Вик! Давай на чистоту. Я тебя люблю. Я тебя искал. Я с ума сходил, не понимая, куда ты делась. Я не хочу, чтобы ты сейчас уезжала.

– Друг, – съязвила Пятницкая, посмотрев Смолину прямо в глаза.

– Я перед тобой как голый.

– Мне тоже холодно.

– Так пойдём в номер.

– Я не готова, Лёш... обсуждать такие темы сейчас.

– Да мне тоже всё это как снег на голову.

– Так не торопи события.

– Не могу. Я уже дважды тебя терял. Если не трижды.

– Тогда доверься судьбе, видишь, как она к тебе благосклонна вновь и вновь. Я теряла и побольше твоего. Не торопи меня.

– Я куплю тебе билет до Женевы, пришлю ссылку потом. И буду ждать тебя до последней минуты у самолёта. Приезжай! Я очень этого хочу. У тебя же есть Шенген, да? Паспорт тот же?

– Угу, – кивнула Вика на все вопросы разом, ободряюще

хлопнула Смолина по плечу и поднесла к уху зазвонивший мобильник: – Где вы? Моргните фарами. Ага, вижу. Иду!

Пятницкая побежала вниз по лестнице, почти как Золушка, только туфельки остались при ней. А Алексей остался стоять один на ветру.

Вика смотрела в окно. Виктор специально выбрал квартиру с завораживающим видом на Москву-реку, что добавило к её стоимости лишние нули. А теперь прекрасная панорама была обезображена частоколом трёх высоток, воткнутых между их домом и рекой. Но в просветах всё равно было видно, как вода блестит под полной луной.

Вика отвернулась и пошла настраивать телефон под себя: завела новую электронную почту, зарегистрировала учётную запись, отключила аппарат от всех облачных сервисов. Ей надо было хоть чем-то заняться, чтобы не думать об Алексее Смолине. Об Алёшке. Алёшеньке. В памяти так и всплывали его признания и былые идиллические картины совместного бытия. Но совесть ещё не позволяла предать мужа. И Пятницкая находила всё новые и новые пустяковые дела, лишь бы не бродить бесцельно по квартире абсолютно огорошенной неожиданными и шокирующими мыслями.

Глава 3

Утро было прохладным. Пятницкая сидела на узкой скамеечке и смотрела на хмурое небо. Хвойные шапки огромных сосен заслоняли его почти полностью. Сосны были такие большие, что Вика чувствовала себя возле них малюсенькой девочкой.

Он подошёл тихо. Впрочем, как всегда.

– Чаю тебе принёс. Зябко нынче.

– Спасибо, Иваныч, – благодарно отозвалась Вика и забрала железную кружку из рук низенького худого старичка в телогрейке нараспашку и в чёрной бейсболке набекрень.

– Ну, оставишь здесь потом.

– Постой!

– Чё?

– Забирай насовсем, – сказала Вика, протягивая старику чёрную сапёрную лопатку.

– Да ну?! Больше не придёшь, что ли?

– Может.

– Э-хе... – только и прокряхтел Иваныч, забрал подарок и бойко зашагал к себе в бытовку, стоящую чуть поодаль от могилы Виктора Поспелова.

– Не приду, – прошептала Вика чёрному камню. – Смысла больше нет. Осталась лишь привычка. Да и твоим костям это

вряд ли нужно.

Чашка приятно грела руки, а тёплый чай, казалось, добрался до глубины души. Стало хорошо.

Иваныч больше к ней не вышел, хоть Пятницкая и просидела ещё час неизвестно чего выжидая.

Кладбищенская калитка противно скрипнула на ветру, будто проклятье бросила вслед Вике. Тут же зазвонил телефон. Это было непривычно и неприятно, словно кто-то незваный ворвался в её личное пространство.

Она знала этот номер наизусть. Помедлив, сняла трубку, прятаться теперь было бессмысленно:

– Алло.

– Привет, – осторожно сказала Мария Новикова.

– Привет, Маш.

– В мессенджере появилось сообщение, что ты присоединилась к пользователям. Я решила не гадать: ты не ты – и позвонила.

– Я, как видишь. Вернее, слышишь.

– Хочешь встретиться?

Вика помедлила с ответом, пытаясь определиться с желаниями. Встретиться она хотела, а обсуждать что было – нет. Да что уж теперь, пора вылезать из своей норы.

– Давай. Где и когда?

– Может, сегодня? Я освобожусь после четырнадцати. Хочешь, покажу тебе наш центр развития, я как раз буду там?

– Что покажешь?

– Мы с твоей мамой открыли центр развития и учим людей чувствовать и использовать божественную энергию.

– Она тоже будет? – Вика похолодела.

– Нет.

– Хорошо. Тогда скинь адрес. Я буду там ровно в два.

– Договорились.

После услышанного Вике захотелось вернуться на кладбище, сесть возле могилки и застыть там каменным изваянием. Та, которая когда-то бросила её на произвол судьбы, отказавшись обучать магии, теперь учила первых встречных, да ещё на пару с её лучшей подругой. Невероятно больно. Не было ей места в этом мире. Просто не было... Зачем она только появилась на свет?!

Телефон завибрировал вновь. Алексей прислал картинку: чашка кофе в лучах рассветного солнца на фоне умопомрачительного вида на Москву-реку и Белый дом. И подпись: «То, что пропустила вредная девчонка». Сразу стало легче, морок развеялся, и Пятницкая пошла в сторону метро.

Центр развития находился недалеко от Тверского бульвара. Вывеска гласила: «Алеф-практика».

Пятницкая зашла внутрь и оказалась у лестницы, ведущей вниз. По её краям горели цветные лампочки. Их таинственный свет раскрашивал полумрак и завораживал. Вика улыбнулась, расслабила спину и спустилась по ступенькам. Она очутилась в помещении средних размеров, выкрашенном в приятный оранжевый цвет. Было уютно. Под потолком висела ажурная люстра из латуни, напоминающая о марокканских берегах. У стен стояли мягкие широкие лавки с серой обивкой и цветными подушками, на которых так и хотелось развалиться. В углах дымились курительные палочки, убажывая стихию воздуха и смиряя мысли. За деревянной стойкой, декорированной корягами, сидела милая девушка лет двадцати.

– Здравствуйте, – приветливо сказала она.

– Здравствуйте! Я к Марии Новиковой.

– Вы, вероятно, Виктория?

– Да.

– Она ждёт вас в кафе, проходите. Прямо по коридору слева от меня.

Вика кивнула в знак благодарности и пошла в указанном направлении. Здесь использовался всё тот же приём: свет в длинном проходе лучился из пола. Почему-то возникла ассоциация с пещерой на четвёртом плане бытия, где Пятницкая однажды породнилась со своим тотемом.

Кафе было оформлено в мягко-синих тонах, простая белая деревянная мебель и жёлтые лампы-звёзды под голубым

потолком служили ненавязчивым акцентом. Цветные витражи пропускали приглушённый свет. Вика вспомнила, что помещение подвальное, и поняла, что источник света искусственный.

Маша улыбнулась ей и жестом пригласила присесть.

– Будешь чай? Рецепты твоей мамы. Посмотри чайную карту.

– Лучше кофе, – сказала Вика и, боясь неловкой паузы, тут же спросила: – «Алеф-практика»? Иврит, конечно, язык близкий к Богу, но мы всё же в России.

– Каббала в моде.

– Ага, и вы, чтобы оставаться в вечном тренде, решили учесть в интерьере великое множество стилей?

– Скучала по твоим комментариям, – тепло сказала Мария. – Это Пётр фантазировал. Он маркетолог.

– Твой новый?

– Уже полтора года вместе. Он взял на себя поиск помещения и ремонт. Придумывал всякие фишечки, чтобы создать располагающую атмосферу для трансформаций.

– С атмосферой получилось, – согласилась Вика. – А вот насчёт трансформаций не знаю.

– Лекторий у нас белый и светлый. Он этажом выше. Хочешь, покажу?

– Нет. Лучше кофе.

– Точно, забыла. Сейчас.

И Новикова скрылась на пару минут за распашными две-

рями.

– Пойдёшь к нам преподавателем? – спросила она, подавая кофе. – Будет очень кстати.

– Нет. Смущает меня ваша затея с массовым обучением.

– А ты приходи на лекцию, сама увидишь – это работает.

– Не вижу я, Маш, – призналась Виктория после паузы. – Ничего не вижу: ни планы бытия, ни ангелов, ни божественную энергию. Как отрезало. Ничего не вижу и не чувствую.

– Не знала, что так бывает, – ахнула Маша.

– Это уже неважно.

– А что важно?

– Что больше не болит.

В проходе показалась Анастасия Георгиевна. Вика замерла с неестественно прямой спиной. Лёгкие сжались. Она предупреждающе подняла руку: не подходи. Мать молча развернулась и скрылась в темноте.

– Зачем ты так с ней? Хотя бы поговорила.

– Потому что это как раз ещё болит. Ладно, пойду я...

– Может, вам всё же поговорить, чтобы боль отпустила и её, и тебя?

Вика бросила злой взгляд на Новикову.

– Моя подруга Маша сделала бы вид, что она на моей стороне.

– Моя подруга Вика пришла бы на мою свадьбу, – парировала Мария.

– Я не знала, извини, – холодно ответила Пятницкая.

– Ты думала только о себе и наплевала на весь мир.

– Я думала о Викторе. И хотела найти его хотя бы на четвёртом плане бытия.

– Ты и без того его там искала.

– Думала, недостаточно ищу.

– И что? – совладав с собой, спокойно спросила Маша.

– И его не нашла, и дар потеряла.

– Как потеряла?

– А как тут не потерять, если в это мироустройство я больше не верю. Ну нет его на четвёртом плане бытия! – повысила голос Вика.

– А на пятом?

– Не говори ерунды, он же не вознесённый мастер, не святой, не...

– Так пробовала там искать? – перебила Новикова.

– Нет. Пробовала с его душой поговорить.

– И что?

– Ничего. Она не вышла со мной на связь.

– Хочешь, я попробую?

– Попробуй.

– А ты попробуешь прийти на наши лекции?

– Баш на баш, – в Пятницкой вмиг проснулись банковские замашки.

– Я схожу на пятый план без всяких условий.

– Сходи. И я пойду. Много всего. Нужно переварить.

Вика вышла, так и не пригубив кофе.

Она брела от Тверского бульвара в сторону Арбата, надеясь, что свежий воздух приведёт её в чувство. Пусть метро доставит её в привычное измерение, она закроет свою дверь на замок и не выйдет из квартиры ещё пару лет. Чёртов мир боли нанёс очередной удар под дых. Вике не было стыдно, что она не вкусила салатов на свадьбе подруги, ей было больно, что Маша, у которой всё складывалось хорошо, не приняла её попыток выбраться из депрессии. Виктория давно бы убила себя, если бы любимый был по ту сторону жизни. А в данных обстоятельствах казалось бессмысленным менять один одинокий ад на другой. Про ненависть к той, что породила её, Пятницкая и думать не хотела. Просто позволяла противоестественной конструкции из злобы и протеста существовать внутри себя.

Завибрировал телефон. Вика машинально взглянула на экран – привычка быстро вернулась. Смолин прислал очередное фото. Через стакан с белым вином вырисовывались снежные горы. «Вид из моего окна. Решайся!»

И она решилась. Просто отбросила прочь все мысли и превратилась в человека действия: посмотреть время рейса и аэропорт, забрать из дома паспорт, вещи, быть вовремя на посадке.

У неё не было времени нервничать, а вот Смолина она заставила поволноваться – в самолёт она зашла последней и

уселась в кресло под звуки из селектора: «Двери в положение ARM».

– Ты в джинсах, – с видимым спокойствием упрекнул он.

– Ну купишь мне ещё пару платьев, если тебе надо, – непринуждённо улыбнулась Вика.

– Дерзкая.

– Было у кого учиться, – хмыкнула она. – Колись: нервничал же и подсчитывал убытки? Билет в бизнес, зарегистрировал меня заранее...

– Верил и надеялся, что мне зачтётся.

– Так уже зачлось. Я лечу с тобой.

– Как же я по тебе скучал!

– А я – по виски. Когда начнут разносить? Давай кнопочку нажмём и вызовем стюардессу?

– Вика! Ты же говорила, что только вино?!

– Не мешай мне расслабляться, тебе же лучше.

– Кого ты обманываешь? У тебя две стадии: трезвая и блюющая.

– Началось... – проворчала Вика и тут же улыбнулась подошедшей стюардессе.

Глава 4

Поезд вёз Пятницкую и Смолина из Женевского аэропорта в Лозанну. Идиллические картинки швейцарской провинции радовали взор лишь на станциях. В остальное время за окнами мелькали фонари.

– Через двадцать минут прибудем на вокзал.

– Удобно, меньше часа в пути.

– Очень удобно! Я езжу так на работу. Выхожу в центре Женевы. Там до офиса пять минут пешком. И в Лозанне пять минут до вокзала. По дороге читаю новости и листаю свой планер.

– Невероятно! Ты едешь на работу на электричке.

– Невероятно, что ты грозилась пить виски, а не осилила и одного стакана.

– Вино мне всё-таки ближе, – отшутилась Вика. – Почему Лозанна, если работаешь в Женеве?

– Женева – неуютный город. Словно стоит на другом озере. Останешься подольше, свожу тебя туда – и сама поймёшь.

Виктория улыбнулась, но воздержалась от комментариев. Не знала, как отреагировать. Ещё в самолёте под воздействием виски она ощутила расстройство множественной личности. То она действовала как та, которая когда-то встречалась с Алексеем, то как руководитель подразделения банка,

то как вдова, как жена Виктора. Личности брали главенство над ней в произвольном порядке и не давали расслабиться – приходилось контролировать своё поведение сверх всякой меры. Испытывать стыд, радость, азарт и боль практически одновременно – это ненормально. Сидеть одной в квартире было куда проще, чем выйти в мир людей, которые тоже что-то думают, чего-то хотят и куда-то идут. Но при всём желании оставаться незаметной у неё это не вышло.

– Ты отказался от машины?

– Здесь – да. Уровень комфорта несопоставим с количеством проблем и затрат. Мне же не нужно ездить во Францию за продуктами, – усмехнулся Алексей.

– О чём ты? – не поняла Вика.

– Это местное развлечение: поехать в выходные за покупками во французские супермаркеты, где цены ниже. Я не заморачиваюсь.

– Ты дружишь с местными?

– Больше с такими же приезжими, как и я. Их много. И русских много. Кстати, взял на завтрашний вечер билеты на концерт какого-то крутого русского пианиста.

– Пианиста? – не поверила Пятницкая.

– Это же тусовка. Почувствуй себя героиней старого романа, когда люди ходили в театры, чтобы себя показать и на других посмотреть.

– Странная аллегория. В романе, который сразу припоминается под стук колёс, всё заканчивается плохо для героини.

– Брось, эти поезда почти бесшумные.

– И всё же...

– Вика, я тебя не тороплю и готов ждать. Оставь ненужные волнения.

– Спасибо.

– Я хочу, чтобы ты расслабилась и насладились красивым городом в хорошей компании.

Вика улыбнулась: Алексей не мог не вернуть что-то восхваляющее его самого. Интересно, почему ей это всегда бросалось в глаза? Восторгая, раздражая, маня и утомляя одновременно. Она пристально посмотрела на Смолина, тот улыбнулся в ответ, только вот она вовсе не ловила его улыбку, она зацепилась за свой немой вопрос: что ей импонирует в его уверенности в себе? Быть может, то, что в ней самой этого нет? Сколько бы она ни копировала чужие умения и навыки, самоуверенности так и не прибавилось. Умер Виктор, завершилась её карьера в банке, дар исчез, она осталась без ориентиров и опор, без слов одобрения и даже критики – какая уж тут уверенность в себе? Как же непосильна свобода, когда ты ничего из себя не представляешь, когда даже не можешь родить цель для продолжения пути...

Поезд остановился, и это спасло Пятницкую от ещё более глубокого погружения в тёмные мысли.

Вика сидела в кресле, поджав под себя ноги, и смотрела в окно. Панораму заволокло туманом.

– Раньше ты бы надела одну мою футболку, без моих штанов... – Алексей подал ей бокал с красным вином и сел на диван, стоящий впритык к креслу.

– Ты обещал красивый вид из окна. И не торопить.

– Погода считывает твоё настроение, – усмехнулся Смолин. – Ладно. Конечно, обещал. Я съезжу завтра на работу на пару часов и вернусь. Могу оставить вторые ключи, вдруг тебе захочется прогуляться. Хотя еда, вино – всё есть дома.

Пятницкая кивнула и спросила:

– Ты не помнишь, почему я пошла учиться на финансового менеджера?

– Помню. Ты разве нет?

– Нет.

– Так на спор же. Ты всегда завидовала, что я круче тебя, а ведь мы тогда с тобой ещё даже не встречались.

– А-а-а, Смолин! – всплеснула руками Вика. – Какой ты!..

– Да, так и было, – продолжил он, не реагируя на её эмоциональный всплеск. – Ты вдруг пришла, начала расспрашивать про учёбу, про возможные перспективы после и про зарплату, если ты выберешь профессию, как у меня. Что-то

мямлила про тяжёлый труд врачей и ординатуру, что родители не очень-то и рады... Ну я и сказал, что ты просто не потянешь экономику, что это не твоё. Вот ты и зарубилась: подала документы не в мед, а в вышку. И мало того что поступила, так ещё и с красным дипломом окончила.

– Угу, – хмыкнула Вика, понимая, что истинные причины нужно искать в её взаимоотношениях с родителями, а скорее с мамой. Смолин – так, пешка в игре.

Было больно. Она резко опустошила бокал вина и потребовала у Алексея добавки. Тот не стал возражать.

– Я до сих пор помню твою увесистую раскраску-атлас по анатомии. Как ты старательно раскрашивала кровеносную систему и строение глаза.

– Точно! Меня это завораживало. Я ведь и сейчас помню, что человеческий скелет состоит из 206 костей. Из них 85 – парных костей и 36 – непарных. У детей больше костей, а потом...

– Остановись, – запротестовал Смолин. – Я тебя понял. Теперь вдвойне странно, что ты не помнишь, как поступала.

– Да, это стёрлось из памяти.

– Ну нашу-то встречу забыть невозможно. Как ты вылила на меня кофе, а?! – театрально возмутился Алексей.

– Потому что ты – надутый индюк! Был и остаёшься. Нечего было лезть без очереди в кинозал, не замечая никого вокруг. Сам напоролся на мою руку со стаканчиком кофе.

– А потом?!

– А потом ты так орал, что мне ничего не оставалось, как вылить остатки тебе под ноги. Я свои кеды тогда тоже забрызгала.

– Я тебе подарил новые! – стрельнул глазами Алексей.

– Помню, Лёш. Стелла Маккартни. В то время я и представить не могла, что кеды могут стоить восемь тысяч.

– Я тоже перед тобой красовался. Доходы выросли позднее. Хорошее было время.

– Бы-ы-ыло-о... – протянула Виктория.

– Неужели ты ни о чём не жалеешь?

– Я человек, Лёш, конечно, мне есть о чём пожалеть. И всё же это было.

– Ну, кеды покупать тебе не буду, ты и так в кроссовках. Давай купим тебе завтра платье и туфли, чтобы было в чём идти на концерт.

– Давай, если тебе так хочется.

– Удивляешь меня всё больше и больше! Сейчас ты бы не вылила на меня кофе.

– Хочешь проверить? – хитро улыбнулась Вика.

– Нет.

Из-за тумана было темно, совсем без разницы – открыты

глаза или нет. Жаль, что даже это не помогало уснуть. Смолин спал в соседней комнате на диване, а Вике казалось, что она слышит его дыхание. Не одна. Она не одна. Так странно. Очень яркие ощущения. Усталость от прежних мук уступила место надежде: всё может снова стать хорошо, надо только дать этому случиться. Совсем рядом, всего лишь за стенкой, спит мужчина, которого она когда-то любила. Значит, было за что?!

«Кто сказал, что чувства невозможно возродить?! Бесспорно, он не Виктор. Витя... Нет тебя больше, Витя. Пора это признать. Пора принять, что раз тебя нет нигде и я не могу общаться хотя бы с твоим духом, то такова воля Бога – развести нас и в жизни, и после неё. А Лёша? Он раз за разом невзначай появляется на моём пути. Посмотри, Витя, ведь я доплакалась до седых волос, что же ты меня не отпускаешь? Или я тебя? Надо признать, что тебя нет. Признать это. Позволить себе снова полюбить. Пусть не сразу. Стоит хотя бы тело пожалеть, не видевшее ласки столько лет. Два с половиной года прошло. Больше, чем мы были женаты. Пора разрешить себе забыть тебя».

Дыхание застряло на мгновение и вышло с большой задержкой и хрипом. Хотелось откашляться, хотя горло было в порядке. Но боль не поддавалась на уговоры, она оставалась в сердце и колола острым лезвием.

«Не сегодня. Пусть Лёшка так и лежит на диване. Сегодня пора спать. А ты? Как же ты, Господи, ко мне жесток!»

«Вниз под горочку, не заблудишься!»

Лёша был прав. В Лозанне сложно было не найти Женевское озеро. Леман, как называют его местные.

Восхищаться Вика начала ещё на подходе к воде. Старинные здания не были похожи на сказочные домики, но и не давили помпезностью, не возвышались над людьми чопорными дворцами, а ненавязчиво заманивали в уют тихих улочек. Новые строения от них тоже не отставали и гармонично вписывались в урбанизированный ландшафт. Хотелось переобуться в удобные домашние тапочки и бродить по городу как по огромной квартире. Да и шагать по крутым склонам было бы комфортнее. Хорошо, что Вика была в кроссовках, и странно, что Смолин так хотел видеть её в туфлях.

– Алло! Вика, где ты?

– Там, где туман касается моих ног.

– Очень литературно. Но лучше скинь координаты.

– У меня нет интернета в роуминге.

– Ясно. Тогда опиши местность.

– Впереди – озеро. Позади – променад. Я сижу на парапете.

– Ви-ка! – остановил её Смолин.

– Рядом пришвартован корабль, а ещё одинокое дерево цветёт большими розовыми цветами.

– Понял. Сиди там. Скоро буду.

Вику так привлекал пейзаж, что скорость движения Смолина не имела никакого значения. Она всматривалась в дымку, словно в глубину себя.

«Есть ли смысл в моём горе? Отболело ли? Нет. Стало легче, когда я ушла от всех? Нет. Стало другим лучше без меня? Тоже нет. Хотел бы Витя, чтобы я всю жизнь провела в слезах? Не думаю. Или это ты, Бог, так решил? Но ты послал мне Лёшку. За что же я всё клянусь судьбу, когда сама не принимаю её? Я хотела перестать исцелять. Перестала. Никто не требует от меня чудес. И стало пусто. Хотела бы я сказать: без Вити пусто. Но это лишь половина правды. Мне пусто без той части меня, от которой я бежала. Не только смерть мужа изуродовала душу, но и отсутствие радости от того, что чей-то путь может продолжаться без боли и с верой в чудо. Я потеряла веру. А вместе с ней и себя. И ведь даже не болит. Просто пусто. В лёгких нет воздуха. В сердце нет музыки. Только стук, чтобы поддерживать жизнеспособность. Ты послал мне Лёшку. Человека, которого я когда-то любила. А он до сих пор любит меня. Готов быть рядом. Поддерживать. Наверное, я имею право на счастье, хоть он и не Витя?»

От последнего осознания у Пятницкой появилась горечь во рту.

«Я ведь за что-то его любила. Смогу ли сейчас? Надо разрешить себе не сбегать как обычно, идти до конца, чтобы ничего не мешало ставить точку, когда история закончена. С Витей всё закончено. Клятвы недействительны. Смерть разлучила нас. Прости меня, милый, что не спасла, что выбрала неверный путь и потеряла тебя. Прости... А сама, могу ли я сама простить Бога за то, что он отнял тебя?! Господи, подай мне знак, что делать, если и в этом мире я не нахожу себе места, и на том свете меня не ждёт любимый муж. Мёртвый муж. А здесь меня искал Лёшка. Всё же есть в его сердце для меня место. Если ты не убил меня, значит, ещё есть варианты развития событий, чтобы я смогла выполнить своё предназначение и жить в счастье. Так укажи мне этот путь! Дай подсказку!»

– Красивое место, чтобы сидеть и ни о чём не думать...
– Смолин сел рядом и обнял Пятницкую одной рукой. – У тебя такое умиротворённое лицо...

Вика промолчала. Подняла глаза и посмотрела на воду. Мгла рассеялась, открывая вид на заснеженные горы и деревушку внизу. В домиках загорелись огни. В Пятницкой зажглась надежда. Смолин взял её руку и поцеловал запястье. Один поцелуй сказал всё о его сильном желании обладать ей. Мурашки побежали по телу.

– Тебе неприятно? – всматриваясь в глаза Вики, спросил Алексей.

Она молчала. Ей было непривычно. Ей было страшно. Ей

было приятно.

– Я могу остановиться... – Смолин поцеловал её ещё раз.

– Да... – прошептала Вика.

– Да – остановиться или да – продолжать? – Алексей вновь поцеловал её запястье.

– Остановиться.

Пятницкая мягко высвободила свою руку из его захвата и на всякий случай подсунула её под ногу.

– Почему? – поинтересовался Алексей, вцепившись взглядом в противоположный берег.

– Я не знаю.

– Чего ты боишься? Мы так давно знаем друг друга.

– А мы знаем? Последнее, что помню, – ты занял место моего мужа в ГорБанке. Это было почти три года назад.

– Интересная формулировка, – подметил Смолин. – Я вчера лежал на неудобном диване, но мне было хорошо. Я знал, что ты рядом. Я много думал о нас. О наших вечных спорах. В этом что-то есть.

– Я изменилась.

– Брось. Ты всё такая же. А меланхолия пройдёт.

– А если нет?

– Тогда и будем думать. А сейчас мне хорошо с тобой смотреть на закат.

– Красиво, не поспоришь.

Вика хотела заплакать, а потом передумала и просто положила голову на плечо Алексея – она устала страдать. Пре-

красное озеро. Прекрасное место, чтобы утопить здесь свою печаль. Мысленно она отделила от себя все неприятные чувства и бросила их в воду. Казалось, что ничего не произошло. Только с небосклона испарились последние облака.

Закат выдавал всё новые и новые оттенки розового.

– Нам пора идти, если мы хотим купить тебе платье для концерта.

– Платье обязательно?

– Нет, – покачал головой Алексей. – Ты и так прекрасна.

– Тогда пойдём сразу на концерт.

– Как скажешь, – согласился он и положил руку на её колено.

Она не стала возражать.

– Прости, я не посмотрел программу концерта, – сказал Смолин, когда они выходили с Викторией из зала.

– Мы, русские, удивительные люди. Приехать в лучший город Европы, стоящий на умопомрачительно красивом озере, чтобы набиться в небольшое помещение и слушать реквиемы.

– Ты не хочешь возвращаться после антракта?

– Нет!

Они оба засмеялись в голос, смущая остальных зрителей. На них стали оборачиваться.

– Здесь ведь только наши, да?

– Да, почти. Ладно, идём. Дальше по плану было вино с красивым видом из окна.

– Кажется, я это обещание уже слышала.

– Туман рассеялся, не ёрничай.

Они медленно преодолевали очередной холм.

– Почти пришли.

– Отсюда совсем не видно озеро.

– Из квартиры будет видно, не переживай.

– А я переживаю.

– Только по этому поводу?

– Нет.

– Сколько у тебя было мужчин после Виктора?

– Нисколько.

– Удивляешь меня.

– Я должна была пойти по рукам, чтобы забыться?

– Разве нет?

– Видишь, мы совсем друг друга не знаем. Этого я и боюсь.

Смолин остановился, взял Викторию за руки и пристально посмотрел ей в глаза:

– Я тебя люблю. Это правда. Я больше не хочу носить маску хорошего друга. И у меня было достаточно времени и поводов понять, как я ошибался. Не уезжай. Оставайся. Закон-

чатся девяносто дней, что-нибудь придумаем с визой. У тебя всё равно нет никаких дел в Москве. Хочешь, всё будет не сегодня?

– Не знаю, чего хочу.

– Не решай сейчас. К тому же и не место.

Они пошли дальше. Смолин молчал. Пятницкая думала.

«Хочется сегодня. Телу очень хочется. Голова идёт кругом от одних прикосновений. Только иногда картинка сбивается: кажется, что это Виктор. Пора забыть. Пора. Сколько можно изводить саму себя? Я сделала всё, что в моих силах. Я же живая в конце концов!»

Алексей резко остановился, обнял Викторию и притянул к себе. Его губы замерли в миллиметре от её губ. Он не почувствовал сопротивление и прикоснулся к ним.

Глава 5

Пятницкая открыла глаза. Плотные шторы скрывали дневной свет. Вчера она так и не увидела вид из окна.

В спальню зашёл Алексей, опоясанный тёмно-синим полотенцем. В руках он нёс две большие чашки кофе. Поставил их на маленький круглый столик у окна, потом раздвинул шторы и сел в кресло рядом.

– Вот, – усмехнулся он, – смотри. Стоит остаться, чтобы видеть это каждый день, а?

– Впечатля-я-е-ет... – протянула Вика, вытянув шею.

Она закуталась в одеяло и перебралась из кровати в свободное кресло.

– Не капучино, но с молоком, – предупредил Лёша.

– Всё хорошо. Спасибо!

– Точно? У тебя вид, словно ты что-то натворила.

– Ну, во-первых, не я, а мы. А во-вторых, не цепляйся к моей утренней физиономии, ладно? Я ещё не проснулась. И не осознала, что произошло.

– Что тут осознавать? Ты остаёшься здесь со мной – и все дела.

– Ну да, ты, как обычно, всё за меня решил.

– А зачем тебе, как обычно, с этим решением спорить?

– Это констатация факта. Не спор.

– Снова споришь, – просиял Лёша. – Я не поеду сегодня на работу.

– Такими темпами скоро смотреть тебе из окон на московские пейзажи. Всё больше становится понятно, почему тебя сослали.

– Сегодня нет ничего важного. Остальное смогу решить по телефону.

«Телефон», – смутилась Вика. Она совсем забыла о его существовании.

– Я пойду в душ.

– Выпей со мной кофе, потом пойдёшь.

– Хорошо.

– Твоё полотенце – розовое.

– Ну да, какое же ещё? – усмехнулась Пятницкая, проводя рукой по лбу.

– Что?

– Хоть не розовые шорты с начёсом. Да уж, мы знаем друг друга.

Струи воды приятно били Пятницкую по голове. Тело было разряжено после ночи и наполнялось новой энергией. Жаль только, что мысли не были свежими.

«Виктор разбудил бы меня поцелуем, а не чашкой кофе. Хотя потом кофе... Зачем я снова их сравниваю? Ночью было хорошо. Бесплезно искать недостатки. Но приоритет ли это, когда принимаешь решение не возвращаться в Россию?»

Квартиру мою можно сдать, закрыв обязательные расходы, здесь на себя всё возьмёт Лёша. Две проблемы – одним махом. Отчего всё кажется слишком гладким? Или я просто ищущу повод не оставаться? Сомневаюсь, что чувства смогут вернуться? Я же больше не хочу быть одна. Одиночество бессмысленно. Оно не делает сильнее. Оно капсулирует страхи. Я боюсь чувствовать. Боюсь снова потерять любимого. Боюсь боли. Я боюсь жить. Уехать я всегда успею, а здесь такой красивый вид из окна...»

Пятницкая выключила воду. Полотенцем промокнула волосы и вытерла насухо тело. Нагнулась и с удивлением заметила перед глазами кудрявые пряди. Резко разогнулась и вытаращилась на своё отражение в зеркале – не померещилось: волосы игриво завились и стали казаться ещё короче.

«Значит, всё идёт правильно!»

Вика вышла из ванной. Алексей разговаривал по телефону, и она тоже потянулась к своему мобильнику. Двадцать сообщений ждало её там. И все – от одного абонента, словно тот истерично пытался с ней связаться. Но кто это? Кто-то из тех удивительных людей, которые любят писать по одному слову в сообщении? Или...?

Это была Лена Смолина. Пятницкая холодно читала её рваные тексты. Она силилась понять смысл, затерянный меж бранных слов и нелепых попыток психологического давления, и наконец-то осознала написанное: Елена и Алексей всё

ещё состояли в браке. И в отличие от Алексея Лена не считала их отношения завершёнными. Вику не тронули громкие обвинения в распутной жизни, а вот вопрос: зачем она рушит семью? – озадачил. Неожиданно ей на помощь пришёл опыт работы руководителем. Она отодвинула чувства в сторону, чтобы решить, что же ей важнее: честное имя или временный комфорт.

Вика переслала все сообщения Алексею и начала собирать вещи.

– Кто сделал эту фотку? – обрушился на неё гневный вопрос Смолина.

Лена прислала фотографию, на которой Вика и Алексей были запечатлены уходящими с концерта под ручку.

«Какой важный вопрос! – подумала Пятницкая. – Именно это и стоит сейчас обсудить».

– То, что она пишет, – бред! Истеричка! Ты-то хоть свои вещи оставь, Вика!

«Жуткое ощущение дежавю. Сейчас правильно спросить: «Когда ты собирался мне рассказать, что женат?» Только вот совсем неважно, что Лёша ответит. Стоит отдать ему должное: в этот раз он хотя бы не молчит. Я дура! Сколько ещё я буду влипать в одну и ту же историю?»

– Не уходи. Куда ты пойдёшь?

«Хороший вопрос. Пойду от тебя».

– Не знаю, Лёш.

– Тогда не уходи. Мы со всем разберёмся.

«Мы?»

– Разберись сам с собой.

– Да чёрт бы побрал её! Снова она во всё лезет!

«С собой, Лёшка, разберись. С собой. Дело же не в Лене».

– Ну куда ты пойдёшь? Господи, как ребёнок!

«Как ребёнок. Чувствую и знаю, чего хочу».

– Пойду проветрюсь. Нам обоим это не помешает.

Вика врала. Она больше не собиралась возвращаться.

Хоть и не знала, куда пойдёт.

– Милая... – прильнул к ней Смолин.

Пятницкую ударило током от этого обращения. Так её называл только Витя. Только он! «Не смей меня так называть!» – кричала она внутри себя, осторожно высвобождаясь из объятий Алексея. Ей надо было поскорее уйти, чтобы боль не успела сковать всё тело.

– Я прогуляюсь и всё. Будем на связи.

– Давай вместе?

– Не сейчас.

– Ладно, я буду дома.

– Ага.

«Пожертвую зубной щёткой, кремом для лица и белой водолазкой. Главное – уйти. Не ввязаться в бесполезное выяснение отношений. Я больше не хочу войны. Хочу как с Витей – надёжный тыл. Какие же они разные, хоть и столько общего...»

Пятницкая на автомате побрела к озеру единственно знакомой дорогой. Каждый шаг вниз под горку забирал её уверенность в себе. Особенно тяжело стало, когда она поняла, что наличных евро у неё нет, а на карте – не более десяти тысяч рублей. Она забыла положить туда деньги, которые дал ей Смолин в Москве. На отель на сутки или двое хватит. А вот на обратный билет – вряд ли. Может, найдётся дешёвый стыковочный рейс? Как же посмотреть вылеты и купить билет без интернета?

Заблестело озеро под ярким утренним солнцем. На небе дрейфовали одиночные пушистые облака. Лазурную воду пересекали лодки под белыми парусами. В сторону Франции отходил паром. Вике тоже захотелось куда-нибудь отчалить. Здешний мир стал совсем невыносим, хоть и был невероятно красив.

«Вот бы не менять место, но изменить судьбу. Начать заново. Вернуться в прошлое и не проливать кофе на Лёшку, чтобы эти отношения никогда не начинались».

Она стояла на берегу растерянная и обессиленная. Мимо прошёл мужчина в сером костюме. Поравнявшись с Викторией, он улыбнулся. И она отчего-то поплелась за ним, словно за пейсмейкером, держа дистанцию в пару метров.

Всё дальше оставались причал и пляжи. Всё грустнее становились размышления. Она никак не могла поверить в ре-

альность случившегося. И вдруг осталась совсем одна на узкой дорожке между озером и частными домами. Мужчина в сером исчез.

Вика спустилась к воде на маленький пляж, села на прохладный песок.

«Как же так, Господи?! Я поверила тебе, а ты меня снова предал. Нанёс удар. Что ты из меня вечно делаешь жертву?! Разве я не была для тебя хорошей? Жила мирно, людей лечила. Можно ли отнимать близких за попытки разобраться в себе?»

Вика споткнулась о собственный вопрос.

«И как, разобралась?»

За истеричным смехом последовал поток слёз.

«Смолин запутался? А я? Чего я хочу? Это, Господи, ты мне хотел показать? Как все мы похожи в своём непонимании целей и желаний? Можно было попроще? Или я такая твердолобая, что со мной только так? Мне невыносимо больно, понимаешь? В который раз предательская недосказанность. И всё началось с моей матери. Сколько лет она молчала, что обладает даром! Невыносимо. Невыносимо! Просто развей меня. К чёрту эту вечную жизнь на четвёртом плане бытия. Отсутствие дуальности меня не спасёт, когда нет любви в сердце. Мне больше некого любить, понимаешь?!»

Слёзы закончились. Изнеможение достигло своего пика.

«Ад на земле. Нас отравляют собственные мысли. И даже этот прекрасный вид не может их усмирить. Я схожу с ума.

Или уже сошла».

– Бух! – сказал годовалый малыш, плюхнувшись на попу возле неё.

Песок смягчил падение.

Вика посмотрела на мальчика и широко улыбнулась, не веря тому, что видит. Помогла ребёнку подняться.

– Виктория? – неуверенно спросила подошедшая женщина.

Вика кивнула, догадавшись, кто стоит перед ней.

– Вы понимаете, что это не Тимофей, хотя его душа в этом теле?

– Я так и запомнила вас – как человека, говорящего сразу по делу. Здравствуйте, я рада вас видеть.

– Здравствуйте, Елизавета, – смутилась Пятницкая, осознав, что забыла поздороваться.

– Сына зовут Александр. Имя распространено и здесь, и в России. Специально выбирали. Алекс очень похож на Тимофея. Иногда кажется, что это он.

Вика не успела ничего сказать в ответ: звонок Смолина помешал разговору. Она уставилась на экран телефона.

«Я снова смылась, – мысль прогремела как выстрел. – Опять не поговорили. Не обсудим случившееся – так и не узнаю что-то, не приму. И повторно окажусь в схожей круговерти».

– Извините, мне надо поговорить, – сказала Вика Елизавете и ответила на звонок: – Алло.

– Где ты? Я волнуюсь.

– Встретила знакомых, общаемся.

– Где вы? Пообщаемся вместе. Я подойду.

– Нет, не сейчас.

– Вика!

– Лёш, ты сделал мне больно. Дай прийти в себя, и мы поговорим без лишних эмоций.

– Я готов извиниться и всё объяснить.

– Готов... – улыбнулась Вика этому слову.

«Что же не сделал этого раньше?» – спросила она мысленно, а вслух сказала:

– Зато я сейчас не готова. Позднее, Лёш. Ты же видишь, я не скрываюсь. Поговорим, когда смогу.

– Я места себе не нахожу... Я тебя люблю! Возвращайся домой.

Фраза резанула Пятницкую, и она почувствовала новый прилив боли.

«Где мой дом?»

– Мы поговорим потом! – отрезала Вика и прервала разговор.

– У вас всё нормально? – спросила Елизавета.

– Нет. Скажем так: поругалась с мужчиной, который профинансировал эту поездку. Мне нужно купить билет в Москву и где-то остановиться, если не получится улететь сегодня. Не знаете, где есть бесплатный вайфай? У меня нет интернета в роуминге. И денег особо нет.

Лиза молчала. Пятницкая не могла понять по её виду, что скрывается за этим молчанием.

– Не берите в голову, – махнула Виктория. – Рада, что у вас всё хорошо, – погладила она по голове Алекса.

– Не спешите, я думаю. Мы живём в маленькой однокомнатной квартире: я, муж и сын – и поэтому не сможем вас приютить. Но, кажется, я знаю, кто сможет. Климов – удивительный человек. И ему будет не скучно, и вам приятно познакомиться. Пойдёмте. Мы как раз были у него в гостях.

Глава 6

Виктория любовалась видом на Леман, сидя на скамейке под большим цветущим деревом. С каждым порывом ветра её осыпало белыми лепестками. Со стороны это выглядело романтично, а на деле Пятницкой было холодно.

Позвонил Алексей. Она снова ответила, что не готова с ним разговаривать. Ей даже думать не хотелось о случившемся. Да и не получалось: она всё больше зацикливалась на том, как бы не заболеть из-за этого недружелюбного ветра.

Вика посмотрела сквозь решётки белого забора на озеро. Над водой начали собираться кучевые облака, что не мешало ей таинственно блеснуть. Вновь подул ветер, осыпав Пятницкую лепестками. Она стряхнула их с макушки и опять взглянула на Леман сквозь чёрный забор.

«Что это? Я так перенервничала, что чёрное мне уже кажется белым. Забор точно чёрный».

Наконец на пороге дома показались Лиза с Алексом и поджарый мужчина лет сорока пяти. Средний рост, короткая стрижка, тёмный спортивный костюм и дутый бордовый жилет. Этого явления Виктория ждала почти десять минут, тело уже стало знобить.

Елизавета жестом показала ей, что всё в порядке и можно подойти. Мужчина был очень серьёзным – ни намёка на

улыбку. Вика поднялась со скамейки и пошла им навстречу.

– Виктория, это Роман Климов. Он сказал, что вы можете оставаться у него столько, сколько вам нужно. Саша совсем раскапризничался, пришлось его спешно покормить. Извините, что так долго. И нам уже пора, надо бежать домой на дневной сон. Если что – звоните. У Ромы есть мой номер.

– Хорошо, спасибо, – смущённо ответила Пятницкая. Ей было неуютно под пристальным взглядом мужчины.

– Твоя беглянка совсем замёрзла, что ты её сразу в дом не позвала? – наконец улыбнулся Роман, дружелюбно похлопав Елизавету по плечу. – Ладно, и вам пора, и нам. Что, Вик, пойдём в дом? Буду тебя отогревать чаем или чем покрепче, – пригласил он и, не дожидаясь ответа, пошёл в сторону белого двухэтажного дома. – Ничего, что я на «ты»? – бросил Климов, не оборачиваясь.

– Ничего, – пожала плечами Пятницкая, догоняя его.

Роман жестом пригласил её зайти в просторную кухню, усадил за огромный круглый стол, а сам взял чайник со свистком и пошёл ставить его на газовую плиту. Стол располагался возле панорамного окна, и можно было смотреть на Женевское озеро и заснеженные пики савойских Альп.

В тёплом доме Вике стало ещё хуже. Она подпёрла голову рукой, изо всех сил стараясь не сползти под стол.

– У вас есть вайфай? – почти на последнем издыхании спросила Пятницкая.

– Мы же договорились на «ты». Интернет есть. Только за-
чем он тебе сейчас?

– Хочу посмотреть билеты в Москву.

– Судя по твоему состоянию, в Москву ты полетишь не
раньше, чем через неделю. Ты заболела.

– Ты доктор?

– Ага, доктор наук. Точнее профессор. Физик я.

– А мне похвастать нечем. Я безработная.

– А мне это и неважно. Лиза за тебя попросила, значит, ты
хороший человек. Мне важно, чтобы ты выпила чай и легла
в постель. Очень уж ты бледная.

– И чувствую себя как тень отца Гамлета.

– Жаждешь мести?

– Нет, хоть и повод есть, – грустно усмехнулась Вика.

– Точно беглянка. У меня глаз-алмаз, – порадовался Кли-
мов, наливая ей некрепкий чёрный чай в большую чашку.

Туда же он положил ложку мёда и две дольки лимона. По-
думал – и сделал себе такой же напиток.

Вика ждала, пока чай чуть остынет, грея руки о чашку.
Теперь и она понимала, что заболела. Ей уже не хотелось чая
или полететь в Москву, она мечтала прилечь и закрыть глаза.

– Пойдём-ка я тебя провожу до постели. В который раз
понимаю, что не зря снял дом с гостевой спальней. А чай и
в кровати прекрасно пьётся. Не дёргайся ты, кружку я сам
принесу. Пойдём, нам на второй этаж.

Климов заставил Вику выпить немного чая, и та уснула.

Это был странный сон, иногда похожий на забытьё, а то и морок. Кажется, Роман сидел рядом, негромко разговаривал с кем-то, называл её по имени, ходил, уходил и возвращался.

Когда Пятницкая очнулась, его не было в комнате. Солнце, закатившись за гору, позолотило небо. Как же было удивительно видеть небо, горы и озеро, не вставая с кровати! Она точно видела это в своих снах, а может, просто в рекламных роликах.

– Как ты? – спросил Климов, заходя в спальню.

– Мне так неудобно... – заёрзала Вика.

– Кровать неудобная? – не понял он.

– Неудобно, что я заболела и так стесняю тебя.

Роман пристально посмотрел на Вику:

– Ты можешь читать мысли?

– Нет, – тихо ответила она.

– Тогда не выдумывай лишнего. Я в последнее время как-то заскучал. И появилась ты. Я рад. Новые люди – всегда к изменениям.

– Разве?

– А разве нет? Новые люди – новые алгоритмы поведения. Буду общаться, наблюдать за тобой и узнаю то, чего раньше не знал, или получу подтверждение прежним мыслям.

– Ощущаю себя подопытным кроликом.

– Так и я для тебя такой же кролик. Или ты по другой причине общаешься с людьми?

– Не думала об этом. Мне казалось, это воля случая и чувств.

– Ты пустила всё на самотёк?

– Ты точно физик? – улыбнулась Пятницкая, пряча за этой реакцией неприятные ощущения тела.

Она ведь и правда сдалась, скрывшись ото всех в квартире, отказываясь от работы, телефона и встреч с близкими. Ей стало не по себе от этих мыслей.

– Физика в том числе изучает общие закономерности явлений. Вот ты и явилась, – усмехнулся Климов.

– Ага, получается я – закономерное явление в твоей жизни, а не новый человек. Скажи мне как физик, случайности не случайны?

– На самом деле получить реально случайное событие очень сложно, поскольку выбор вариантов всегда ограничен. Например, кажется, что встретить знакомого в большом городе маловероятно. Но если вы ходите в одни и те же места, то вероятность сильно возрастает. Как-то так.

Теперь встреча с Елизаветой казалась Вике меньшим чудом и более вероятным событием. Когда-то она сама активно агитировала её уехать в Швейцарию.

– Хочешь есть? Есть овощной салат, и могу пожарить стейки.

– Нет, не хочу. Но могу составить тебе компанию и выпить чаю. Мне немного лучше.

– Хотя бы так.

Стемнело. Фонарей на улице не было, и, только подключив фантазию, можно было догадаться, что за окном Женевское озеро. Климов жарил стейк на открытой кухне, доброжелательно поглядывая на Пятницкую. Та сидела за столом и пила тёплый чай, посасывая дольку лимона.

– У меня есть чеснок, – вдруг вспомнил он. – Сейчас дам тебе.

– Будем отгонять нечистую силу? Это дом с приведениями?

– Будешь лечить своё горло. Чесночный леденец хорошо справляется с этой задачей. Увлекаешься мистикой?

Вика смущённо пожала плечами, не зная, что ответить. Ей вдруг стало неловко отвечать на вопрос про сверхъестественные явления. Кто она? Одинокая, безработная и бездарная женщина, у которой всё в прошлом. И сейчас она не побирается только благодаря тому, что Виктор когда-то вложил деньги в безотзывные облигации с хорошими купонными выплатами. Остальные ценные бумаги и инвестиции просто прогорели в кризисный момент, который она, разумеется, упустила. Благо хоть додумалась погасить досрочно ипотеку. Именно тогда, посмотрев на свои банковские счета, Ви-

ка решила отрезать все связи с миром и выключила телефон, признав своё поражение на всех фронтах.

«Я была твоим солдатом, Господи. И ты меня так предал».

– Так что про мистику? – повторил Роман. – Лиза сказала, ты необычный человек.

– Я была необычным человеком. Сейчас такая же, как все. Две руки, две ноги и слабое здоровье.

– От простуды люди уже давно не умирают. Не преувеличивай своё горе. Сколько тебе лет?

– Двадцать девять.

– Мне пятьдесят семь, и я смело могу утверждать, что у тебя всё только начинается. Да и я в полном расцвете сил.

– Ого! Дала бы тебе минимум на десять лет меньше.

– В душе мне и вовсе тридцать, – покивал Климов.

– Как у тебя это получается?

– Однажды я решил радоваться каждому приятному обстоятельству и принимать неудачи как опыт.

– Что произошло, когда ты это решил?

– Я потерял свой бизнес. Ради него я оставил пост преподавателя в Лозаннском университете и стал сооснователем инновационной компании, но моё изобретение не завоевало рынок. Прорыва не случилось. Мы не покорили ни Европу, ни Америку.

– И что потом?

– Я открыл новый стартап и довожу до ума новое изобретение.

– Где ты нашёл силы, чтобы снова подняться?

– Внутри себя.

– А если их нет?

– Когда выздоровеешь, я покажу, где их взять. А пока лучше бы ты хоть что-то съела. Не пренебрегай внешними источниками силы, – подмигнул Роман.

– Готова поесть мёд. Он оказался у тебя очень вкусным.

– О! Давай я тебе сделаю бутерброд: белый хлеб с маслом и мёдом.

Пятницкая неуверенно посмотрела на Климова.

– Это местная фишка. Швейцарцы так завтракают. Но и вечером будет хорошо.

– Ну давай.

– Тебе не лучше, – констатировал Роман.

– Нет, – подтвердила Виктория.

– И бутерброд не доела.

– Очень странное сочетание: жирное и хрупокое с вязким и сладким.

– Дело привычки. И вкуснее, если масло чуть подтаявшее.

– Поверю тебе на слово и пойду спать.

– Иди, я сейчас сделаю ромашковый чай и принесу.

Странно ты звучишь. Есть риск, что завтра голос пропадёт. Не удивляйся. Это жизненный опыт и трое детей.

– Детей? – ахнула Пятницкая.

– Вспомни, сколько мне лет. Они уже взрослые. И вообще

сейчас тебе пора в кровать.

– Девять вечера – самое оно. Сказку мне считаешь? – пошутила Виктория.

– Учебник по физике.

– Там тоже много сказок с точки зрения обывателя. Писали бы их только попроще. Фотоны, к примеру, настоящие оборотни: то они ведут себя как частицы, то как световые волны.

– Ты была в школе хорошей девочкой, раз до сих пор помнишь принцип корпускулярно-волнового дуализма. Похвально.

– Да, хорошей девочкой... – задумчиво согласилась Вика.

– Раз ты сама это вспомнила, поупражняйся и переведи эту теорию на образ человека. Завтра расскажешь. Хотя лучше тебе просто поспать. Но ты же всё равно не уснёшь.

Вика улыбнулась и пошла наверх. Давно ей не было так уютно с кем-то. И не хотелось объяснять, что всё дело в возрасте Климова, в его мудрости или высоком интеллекте. Пятницкая окрестила это человечностью. Рома готов был передавать опыт без нравоучений, указывать на важное без излишних акцентов и просто делать вкусный чай для кого-то, забывая, что он статусный человек.

Климов был прав: Пятницкая не могла уснуть. Порой она проваливалась в тёмную мглу из-за поднявшейся температуры, но раз за разом всплывала окружённая мыслями.

Ей было и плохо, и хорошо одновременно. Плохо от предательства Смолина, от измены самой себе. Она же чувствовала, что идёт на сделку с собой, принимая ухаживания Алексея и каждый раз убеждая себя в правильности этого решения. Но ей было хорошо в доме Романа, радостно, что она познакомилась с таким невероятным человеком, да ещё на берегах изумительно красивого озера. Как бы она ещё сюда попала, если бы не Смолин?

«Вот он – дуализм фотона. Одновременно что-то может быть хорошим и плохим. Зависит от того, с какой стороны смотреть или кто наблюдает. Если я готова видеть хорошее, то буду благодарна Алексею за встречу с Климовым, если хочу видеть только плохое, то стану лишь злиться на его ложь. Но как фотон одновременно может быть и частицей, и волной, так и ситуации бывают хорошими и плохими в один и тот же момент. И любой отказ видеть обе позиции – отказ от истинного положения вещей. Поэтому мы можем впасть в депрессию или витать в облаках. Может, об этом и писал Пушкин: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»? И,

используя волю, остаёшься в эмоциональном нуле, то есть в покое. Равен ли покой принятию или он равноценен остановке? Как же страшно остановиться...»

Тут Пятницкую передёрнуло: до того мысль показалась кошмарной.

«Нет, ужасно признать, что я уже остановилась и даже хуже – падаю всё ниже и ниже в своих же глазах. И вместо того, чтобы насладиться видом звёздного неба из окна, всё ищу поводы себя пожурить. И не могу завершить именно этот процесс. Да, Роман, я пустила всё на самотёк...»

Кто-то окликнул её. Виктория посмотрела в сторону открытой двери, но никого не увидела. Очень хотелось найти этому простое объяснение, поэтому она сползла с постели и выглянула в коридор.

В доме было темно. Климов прикрыл дверь в свою спальню. Свет не горел.

«То заборы меняют цвет, то слышатся голоса... Может, однажды вернётся мой дар, и я снова смогу слышать ангелов или видеть духов? Но вот цвет забора? Как объяснить?»

Вика села на небольшой диванчик у окна, закутавшись в тёплое одеяло. В тёмной вышине по-прежнему висели яркие звезды. Было только двенадцать.

– Спокойной ночи, – снова произнёс какой-то тихий, но знакомый голос.

И снова никого не оказалось рядом.

– Ну да, – сама себе сказала Вика. – У меня галлюцина-

ции. Или всё-таки это дом с приведениями? А вообще мне это нравится. Чувствую себя необычной, как раньше. Нет, не буду думать, что я всё же сошла с ума от горя или это просто температура. Поговори со мной ещё.

– Забыл сказать: завтра в девять придут менять сетевой кабель! – донёсся крик издалека.

– Нет, лучше о любви, – засмеялась Вика, утыкаясь головой в одеяло, чтобы не разбудить Климова громкими звуками.

Но тут же закашлялась, возвращаясь мыслями в реальность. Собственная слабость вдруг показалась бессилием.

«Что бы я раньше подумала в этой ситуации о тех, кого исцеляла? Вялость, боль в горле и возможная потеря голоса. Какая мне от этого польза? Из-за слабости я осталась в Швейцарии. Рома говорил про неделю. Ладно, значит даю слово: неделю не рваться в Москву. Боль в горле? Сгусток-ёжик моих колючих слов. Я не кричала и не ругалась, когда мне было больно. Не выражала свои эмоции. И снова сбежала от Алексея. Не поговорила с ним. И теперь наказываю его отсутствием понимания – где я и когда позволю поговорить со мной. Кажется, я где-то читала, что молчание – самая жестокая форма психологического насилия. Вновь и вновь нет белого и чёрного. Я тоже делаю ему больно. А он всячески проявлял заботу обо мне».

Вика заставила себя встать, спуститься вниз на кухню, где остался рюкзак с вещами. Оказалось, что телефон разрядил-

ся. Взяв зарядку и мобильный, она поднялась в спальню. Прикрыла дверь, чтобы не мешать Роману. Закуталась в одеяло и принялась глубоко дышать, пока включался телефон.

Пришло сообщение, что Смолин звонил десять раз. Вика примостилась на полу у розетки и набрала его номер.

– Привет.

– Привет, – тихо ответил он.

– Со мной всё в порядке. Я у знакомого. Он тоже русский. У меня разрядился телефон. И я заболела.

– Это называется «в порядке»? – без эмоций спросил Смолин.

– Я жива и почти здорова. Только температура и слабость.

– Ты не вернёшься?

– Сегодня нет.

У Вики кольнуло сердце от этой фразы. Она дарила Алексею ложную надежду.

– Нет. Не вернусь, Лёш. Но смогу встретиться с тобой, когда выздоровею, если хочешь.

– Хочу. Ты даже не представляешь, как мне было с тобой хорошо и как мне сейчас плохо.

– Не представляю. Но мне тоже сейчас плохо.

– Тебя бесполезно уговаривать приехать или хотя бы дать адрес, откуда тебя забрать?

– Не надо, пожалуйста. Я обещаю позвонить завтра днём. А сейчас пойду спать.

– Хорошо. Я обещаю не приезжать сам, но скажи, у кого

ты. На всякий случай. Мне так будет спокойнее. Если ты будешь на связи, как обещала, я не буду тебя искать.

– Я у Романа Климова. Адрес не знаю.

– Мне этого достаточно, спасибо.

– Спокойной ночи, Лёш.

– Да, спокойной.

Мгновенного исцеления не произошло. Вика привалилась лбом к окну. Холод стекла был приятен для горячего тела. Пятницкая видела, что пришли сообщения и от Елены Смолиной. Она решила их не читать. Лене она ничего не должна. Пусть сами разбираются со своей семейной жизнью.

«Всё зависит от наблюдателя. Для Лёши я сейчас хорошая. Для Лены – плохая. И всё это в одних и тех же обстоятельствах».

– Вика! – бойко начал Роман, но тут же замер в дверях: – Ты уже встала?

– Да, Ром, доброе утро. По ощущениям я совершенно здорова, – ответила Пятницкая, поправляя складки покрывала на уже застеленной кровати.

– По виду тоже, – оценивающе посмотрел Климов. – Обычная, да необычная, – задумчиво отметил он. – Завтра-

кать будешь?

– Буду. А ты чего хотел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.